

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПОСАДКА НА РЕЙС...

ФРИДРИХ

БЕЗ ПРАВА НА НЕУДАЧУ

НЕЗНАНСКИЙ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Объявляется посадка на рейс...

Серия «Без права на неудачу»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169338

Объявляется посадка на рейс...: Русь-Олимп, Астрель; Москва; 2008

ISBN 978-5-9648-00225-9

Аннотация

Когда уже была объявлена посадка на рейс, Андрею Корешкову позвонила его бабушка и сказала, что попала в больницу. Так он не оказался в числе тех, кто вылетел рейсом Москва-Стамбул и погиб в авиакатастрофе. Но на борту этого самолета был пассажир, застраховавший себя в агентстве Андрея Корешкова, и таким образом Андрей оказывается втянут в расследование причин трагедии. А когда подтверждается версия теракта, Корешков, вспомнив свой опыт работы в спецслужбах, смело вступает в схватку с опасным и могущественным врагом.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	46
Глава 4	56
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Фридрих Незнанский Объявляется посадка на рейс...

ПРОЛОГ

Звонок из Москвы раздался поздно вечером. Позвонил встревоженный Ибрахим. Он говорил долго и путано, только не из-за косноязычия, как раз язык у него подвешен на славу, а потому, что телефонные разговоры могут быть подслушаны. А если не услышат сейчас, то все равно они фиксируются в каких-то технических службах и в случае надобности могут быть установлены время, номера телефонов абонентов, а стало быть, и сами собеседники, возможно, иногда записывается содержание, если какие-то не слишком законопослушные люди находятся под колпаком у полиции. Поэтому Ибрахиму приходилось говорить таким эзоповым языком, которого не под силу было бы разобрать самому Эзопу. А вот находившийся в Анкаре Сейхан понял. Понял и сразу принялся действовать.

Сейчас его действия были сродни тому, что перед этим проделал Ибрахим, – он тоже звонил. Звонил знакомым в другие города и разговаривал с ними на плохо понятном для

непосвященных языке. После разговора с ним собеседники, в свою очередь, начинали звонить кому-то еще...

Завершающим этапом этой многоступенчатой цепочки являлся маленький турецкий городок Текирдаг, находящийся к западу от Стамбула, а все усилия собеседников были направлены на то, чтобы срочно уничтожить одного парня, оказавшегося сегодня в местной тюрьме. Звонком из Москвы Ибрахим дал понять соотечественникам, что арестованный Мустафа Кемаль способен выдать полиции важную информацию. Если она станет достоянием правоохранительных органов, это отрицательно скажется на благосостоянии некоторых уважаемых текирдагцев, а также жителей других городов. Последствия для них окажутся не просто плохими – они будут катастрофическими. Значит, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Мустафа заговорил, выдавая ценную информацию, а то, что он сделает это на первом же допросе, можно не сомневаться. Он же типичный молодец против овец. Хорохорится, не прочь поиздеваться над слабаками, но окажись в лапах полиции, тут же наделает полные штаны.

Вот почему в некоторых домах Текирдага люди почти до рассвета не ложились спать, ведя утомительные разговоры со знакомыми, постепенно приближаясь к желанной цели. Вот уже дело дошло до общения с влиятельными в городе людьми – представителями власти, авторитетными полицейскими, надежными тюремщиками.

В конце концов ночное бдение принесло плоды. Когда утром по приказу начальника полиции, двое конвойных отправились за Мустафой Кемалем, чтобы привести преступника на допрос, то обнаружили его лежащим в запертой камере на полу с перерезанным горлом...

Глава 1

РЕЙС НА СТАМБУЛ

Практически весь май и первую половину июня начальник отдела безопасности московского страхового агентства «Атлант» Андрей Всеволодович Корешков занимался не свойственными для его должности обязанностями – проводил следствие по делу о многократном страховании одних и тех же машин по фальшивым документам.

Строго говоря, для самого Корешкова следственные функции были хорошо знакомы. Задолго до прихода на мирную службу в «Атлант» ему приходилось работать и в оперативно-розыскном отделении милиции, и несколько лет служить во внешней разведке. Поэтому навыки сыщика у него развиты весьма хорошо. В принципе, в любом страховом агентстве предполагается более спокойная и рутинная работа, чем, скажем, в уголовном розыске, однако изредка там тоже встречаются донельзя заковыристые ситуации. Как правило, они крутятся вокруг страховок на слишком большие денежные суммы, поэтому приходится взваливать на себя функции, родственные следовательским. Цели участников конфликта понятны: одни стремятся получить деньги, другим не хочется с ними расставаться.

В этот раз Андрею пришлось распутывать клубок, концы

которого находились в разных странах. Велись совместные действия с полицейскими различных государств, в том числе и в Латвии. В Риге его помощницей случайно назначили некую Мирдзу Троненбергс – очаровательную красавицу, от которой Корешков буквально потерял голову. Благо, ничего предосудительного тут нет, и ревнители морали могут быть спокойны: Мирдза не замужем, недавно развелась. Андрей вообще закоренелый холостяк. Им вдвоем пришлось совершить рискованный вояж в Польшу, и уже через несколько дней выяснилось, что латышская красотка тоже далеко не равнодушна к нему. Разъехавшись после завершения операции по своим городам, молодые люди регулярно созванивались, договаривались где-нибудь вместе отдохнуть, да все время что-нибудь мешало: то один занят, то другой. Лишь в конце сентября решили съездить на пару недель в Турцию. Причем у Мирдзы – трехнедельный отпуск, а Корешков может вырваться в лучшем случае на две.

– Я прилечу туда на три дня раньше тебя, разберусь, что к чему, узнаю дислокацию на местности и ты явишься на все готовое, – сказала она по телефону. – Чтобы не тратить впустую время. Иначе ты не успеешь отдохнуть.

– Спасибо, милая, за заботу. Заодно постарайся за это время в совершенстве выучить турецкий язык, это еще больше облегчит нам жизнь, – улыбнулся он. – Когда ты сможешь туда прилететь?

– Во вторник, двадцать третьего, я еще должна быть на

работе. Генерал проводит большое итоговое совещание. А на следующий день смогу отчалить.

– То есть в среду. Я же освобождаюсь в пятницу вечером, значит, прилечу в субботу, двадцать седьмого.

Еще до отлета Мирдзы в Турцию Андрей купил себе билет. Позвонив в Ригу, продиктовал ей номер рейса, время прилета.

– Дорогуша, надеюсь встретить тебя в стамбульском аэропорту, – сказала она.

– Было бы совсем неплохо, – ответил он. – Я так сильно по тебе соскучился.

Влюбленные не могли предполагать, что нелепый случай разрушит их радужные планы.

* * *

Сергей Петрович Маховиков не принимал всерьез слово «страховка». Нет, он, безусловно, знал о существовании такого вида компенсаций, которые навязывали многочисленным рекламы, однако применительно к себе этого понятия как-то не представлял. Страховал только машину, и то лишь выполнял это как тяжелейшую провинность. Все автомобилисты вынуждены последние четыре года нести этот крест, платить дополнительный налог, тут уж ничего не поделаешь – приходится. Но Сергей Петрович, как и подавляющее большинство автомобилистов, ограничивался только обязатель-

ным страхованием, не более того. Никаких там от угона, от пожара. Требовалось раз в год отстегнуть три с лишним тысячи за старую «пятерку», ну и черт с ними, не обеднеет. А добровольно не даст ни копейки.

Так бы они и существовали тихо-мирно каждый сам по себе, Маховиков и страховка, как вдруг занесло к ним в гости домой Борьку Лукинского, Сережкиного кореша, друга детства. Борису сейчас тоже под сорок, он достаточно известный журналист. Как раз в тот день он получил «корочки» Международного Союза журналистов, похвастался. Там среди выданных ему бумаг затесался страховой полис.

– Вот, – говорит Борис, – если что со мной стряется, жене и дочке выдадут бешеные деньги.

Главное – брякнул в неурочное время: при Зинаиде, жене Сергея Петровича. Та, как услышала про большую сумму, тоже сразу загорелась. Прямо при госте говорит мужу:

– Давай, Сереженька, тоже застрахуем свои жизни. Мало ли как оно повернется. Идешь по улице, и вдруг на голову тебе кирпич свалится. Чем меньше будет забот у наших детей, тем лучше.

Это она не только про него и про себя сказала насчет кирпича. Мол, с каждым может случиться несчастный случай, все под богом ходим. Маховиков за такие слова на супругу не обиделся, понял, что Зинаида имела в виду. Он на нее за другое обиделся – что пришлось ему оформлять страховку. А это так противно: стоял в очередях, заполнял тьму тьму-

щую бумажек, ухлопал немало денег. Все на свете проклял, пока получил эту страховку.

В агентство он пошел первое попавшееся. Увидел по пути на работу возле Покровских ворот вывеску страхового агентства «Атлант» и направился туда. Кстати, получилось очень забавно. Сергей Петрович разговорился с менеджером, который оформлял бумаги, сказал ему, что они всей семьей скоро собираются на отдых в Турцию.

– Очень правильное решение – застраховать жизнь всех членов вашей семьи, – одобрил менеджер, слащавый до приторности молодой человек. – Тем более, что вы собрались в путешествие.

– Ну, не то чтобы это совсем путешествие, – возразил Маховиков, – будем сидеть там на одном месте. Однако для нас сейчас это самый приемлемый вариант. Когда-то с женой мы могли и в турпоход на месяц отправиться, и в горы ходили. А сейчас... Дети еще слишком маленькие. Сыну – шесть лет, а дочке – пять.

– Прекрасный возраст. Моей дочке тоже пять. Вы когда летите?

– В субботу утром.

– В эту?

– Да, в ближайшую.

– Вот ведь какие бывают совпадения! – удивился менеджер. – Представляете, наш сотрудник тоже в субботу утром летит в Турцию. Наверное, у вас один рейс.

– Скорей всего. Он тоже едет отдыхать?

– А что там еще можно делать?!

Как ни странно, то обстоятельство, что вместе с ними полетит сотрудник «Атланта», улучшило настроение Маховикова. Он даже пожалел, что не спросил фамилию этого человека. Ничего, и так можно будет узнать. Даже интересно решить логическую задачку: кто среди сотни пассажиров является сотрудником «Атланта». Постепенно по каким-либо признакам отсекал одного за другим, и потом, когда останутся два-три человека, спросить у них напрямую, проверив тем самым собственную наблюдательность.

И вот, наконец, все позади – можно вздохнуть спокойней. Проверены все документы, деньги, страховка, путевки. Тут Сергей Петрович благодарен своей Зинаиде: оформлять эти путевки – тоже порядочная морока. Нужно звонить, консультироваться, договариваться, вечно там никого не застанешь на месте, операторы часами болтают по телефону, а ты их жди. Жена сама все сделала, ему не пришлось таскаться по туристическим агентствам.

Время для поездки Маховиковы выбрали самое что ни на есть удачное. До сентября в Турции несусветная жара, позже станет дождливо и холодно, не искупаешься. Сейчас – оптимальный вариант. Тем более что на будущий год сынок Артем пойдет в школу, тогда уж в сентябре всем вместе на отдых не вырваться.

Нужно ли говорить, какой суматошный вечер выдался до-

ма накануне отлета. Помимо бесконечных проверок взятых или забытых вещей, документов, денег, нужно было решить проблему поездки до аэропорта. Решили не экономить и заказать такси. Добираться с детьми и вещами на метро и потом на «маршрутке» – слишком утомительно. Сергей Петрович уже собрался было звонить в бюро заказов, как неожиданно пришел сосед Володя с первого этажа и предложил подбросить их до аэропорта. Маховиковы с радостью согласились. Не столько с точки зрения экономии – сосед, конечно, денег с них ни за что не возьмет, сколько из-за надежности. Вдруг таксист плохо знает их район и опоздает. Они все изнервничают. А Володя – вот он, под боком, машина стоит напротив подъезда. Тут никакой нервотрепки быть не может.

Несмотря на ожидаемые на Ленинградском шоссе автомобильные пробки, сосед действительно быстро доставил их в «Шереметьево-2», возле входа в зал вылета распрощался и уехал.

Дольше всех из семейства Маховиковых не мог миновать рамку металлодетектора шестилетний Артем. Оказывается, дома шалун, уже после того как мама проверила карманы его брюк и курточки, удостоверившись, что ничего лишнего в них нет, умудрился прихватить с собой какие-то ключи, лупу, пинцет и фонарик. Объяснить родителям, для чего это добро ему понадобится в Турции, мальчик не смог. Прошел он в зал ожидания под гомерический хохот работников

службы безопасности.

Если Сергей Петрович не спросил у менеджера «Атланта» фамилию их сотрудника, летящего с ними одним рейсом, то Корешков на всякий случай запомнил фамилию их клиентов – Маховиковы. Понаблюдает за ними, если понравятся – познакомится. Он любил стихийные группки попутчиков, эти временные сообщества, которые обычно создаются во время поездок на поездах или при перелетах. Любил за откровенность и незлобивость, царящих обычно на таких посиделках, и, подойдя к толпе пассажиров, собравшихся у стойки регистрации на стамбульский рейс, сразу догадался, кто из них Маховиковы. Девочка пяти лет играла с розовой пластмассовой собачкой, своими изящными формами напоминавшей, скорее, обглоданную собакой кость. Мальчик упорно пытался отнять у сестры игрушку.

– Артем, не приставай к Маше, – пыталась урезонить его мать. – Или я сейчас вообще заберу у вас собаку.

Мать была светловолосой низенькой толстушкой в очках с толстыми стеклами. Она беспрестанно улыбалась. Муж представлял собой ее полную противоположность: худощавый долговязый верзила, меланхолично наблюдающий за своей паствой. И вообще за происходящим вокруг, в частности за большой группой весело переговаривавшихся англичан, стоящих в очереди перед Маховиковыми.

Наконец девочке надоели приставания брата, и она пустилась от него наутек. Тот ринулся следом за ней. В какой-то

момент Маша, чтобы не упасть на повороте, взмахнула руками и уронила собачку, которая отскочила прямо к ногам Корешкова.

– Какой красивый песик, – слащаво произнес Андрей, чтобы доставить девочке радость. – Как его зовут?

– Полкан.

– Вот здорово! Давненько я не слышал такого удачного имени. Ну, а как тебя зовут, не спрашиваю, могу сам угадать.

– Вы что – волшебник?

– В некотором роде. Кое-что могу. Например, угадать твое имя. Хочешь?

– Конечно.

Корешков набычился, делая вид, что изображает мыслительный процесс. Вдохнув воздух, он задержал дыхание, от чего лицо у него сильно покраснело, жилы на лбу набухли. Девочке казалось, еще чуть-чуть – и из ушей пойдет дым.

Наконец он с шумом выдохнул воздух и решительно произнес:

– Тебя зовут Маша. Я правильно угадал?

Малышка раскрыла рот от восхищения – кажется, перед ней – настоящий волшебник.

– Я и фамилию твою могу угадать. Хочешь?

– Конечно.

– Мне кажется, – тут он в задумчивости закатил глаза вверх, – что твоя фамилия, – сделал мхатовскую паузу, после чего выпалил: – Маховикова.

Она не успела подтвердить верный ответ симпатичного дяденьки, как у того зазвонил мобильный телефон. Корешков стал слушать невидимого собеседника, и лицо его постепенно мрачнело.

– Все, бабушка, – сказал он, – я все понял. Успокойся и запиши, в какую больницу ее отвезли. Чтобы не забыть, как случилось в прошлый раз. – Очевидно, собеседница возразила ему, потому что Андрей сказал: – Ладно, пусть она забыла. Но у вас же все похоже, с тобой может случиться то же самое... Хорошо, милая, не будем напрасно терять время. Я еду, жди меня.

Сказав это, Корешков подхватил свою сумку и, по-прежнему держа телефон в руке, стремительно направился к выходу. Пассажиры, стоявшие в очереди на регистрацию, слышали разговор и теперь сочувственно смотрели ему вслед – надо же: собрался молодой человек в отпуск, и вдруг тревожный звонок, после чего бедняга вынужден сломя голову возвращаться в город. Не повезло парню!

С уходом Корешкова процесс регистрации не приостановился. Вскоре семья Маховиковых прошла таможенный, затем паспортный контроль и очутилась вместе с другими пассажирами в накопителе, где битый час ждали посадки на самолет с эмблемой английской авиакомпании. Он уже был виден через стекло – покорно стоял у конца «кишки», по которой пойдут люди. И вот наконец объявлена долгожданная посадка.

У Маховиковых были четыре места в семнадцатом ряду – три по одну сторону прохода и одно, туда сел Сергей Петрович, по другую. Зинаида Олеговна следила за тем, чтобы возбуждившиеся перед предстоящим путешествием дети шалили как можно меньше. Она даже поменялась местами с Артемом, который сначала сидел между мамой и сестрой и мешал Маше смотреть в иллюминатор. Хотел занять ее место.

Наконец прозвучала просьба пристегнуть ремни и выпрямить спинки кресел. Самолет загудел, словно норовистый зверь, медленно вырулил на взлетную полосу. Гудение нарастало с каждым мгновением, и вот оно достигло своего апогея, самолет задрожал, начал разгоняться и вскоре взмыл в небесную высь.

Глава 2

ЗАГАДОЧНАЯ РУССКАЯ ДУША

Двадцать с лишним лет назад родители Андрея Корешкова, он тогда учился в седьмом классе, погибли в автомобильной катастрофе, и с тех пор мальчика воспитывали две бабушки – Елизавета Львовна и Евдокия Дмитриевна.

Формально родной бабушкой была только одна из них, Елизавета Львовна. Евдокия Дмитриевна – ее двоюродная сестра, личная жизнь которой сложилась неудачно. У нее никогда не было собственной семьи, поэтому свои неразstraченные чувства добрейшая женщина направляла на разного ранга родственников. Все у нее складывалось не слава богу и в профессиональном отношении. Особой карьеры на работе не сделала. Евдокия Дмитриевна всю жизнь проработала в химической лаборатории, чья деятельность была связана с изготовлением новых образцов спичек. Хорошим жильем тоже не обзавелась, имела комнату в Черемушках, в многонаселенной квартире, где соседи были шумные и пьющие. Лишний раз там находиться – радости мало, поэтому при случае охотно ездила по гостям. Так постепенно получилось, что больше других сблизилась она со своей ровесницей Елизаветой Львовной, обладательницей просторной квартиры, и когда обе остались одинокими, то съехались и стали жить

вместе. Все ж веселей.

Елизавета Львовна, баба Лиза, осталась одна после ранней потери мужа, крупного партийного работника, который в пятьдесят лет скончался от обширного инфаркта. Вскоре за этой трагедией последовала другая – в автомобильной катастрофе погибли сын и невестка, родители Андрея. Что же касается работы, то в своем деле она была весьма успешным человеком, известным геологом. В молодости помоталась по экспедициям, работала «в поле», многие известные ныне месторождения открыты с ее легкой руки. Когда стала тяжело переносить спартанские условия в экспедициях, перешла сначала на научную, а потом на административную работу – руководила отделом в союзном, а потом в российском Министерстве геологии. У Елизаветы Львовны – тьма тьмущая научных трудов, до сих пор в специализированной литературе мелькают ссылки на ее публикации, иногда коллеги по-прежнему обращаются к ней за консультацией, однако подобных звонков становится, увы, все меньше и меньше. Прогресс во всех отраслях, в том числе и в геологии, идет быстрыми темпами, многие новации теперь являются для нее китайской грамотой, и порой трудно найти общий язык с молодыми геологами. Поэтому основную часть времени энергичная баба Лиза посвящала дому, так же, впрочем, как и баба Дуся, тоже большая аккуратистка. Перемыть всю посуду, вытереть пыль, расставить вещи по своим местам, вынести мусор – все это неукоснительно выполнялось

каждый день. Только два раза в год, весной и осенью, вызывались из фирмы мойщики окон, а все остальное далеко не молодые женщины делали сами, даже пылесосили.

Вечером накануне отлета Андрей приехал к бабушкам и привез им невероятное количество продуктов. Делалось это не только потому, что у них нет денег или они сами не ходили в магазины. Ходить-то ходили, только покупали себе все самое дешевое. Не из жадности, а просто не привыкли к деликатесам. Внуку бы купили, а себе – нет.

Сегодня утром Елизавета Львовна почувствовала себя ужасно плохо, пришлось вызвать «скорую помощь». Евдокия Дмитриевна никогда не видела двоюродную сестру в таком состоянии, испугалась, что та умирает, и, когда ее увезли в больницу, в панике позвонила Андрею. По голосу звонившей бабушки он догадался, что дело плохо. Да и не стала бы она срывать внуку отпуск, если бы не экстремальная ситуация. Поэтому Корешков махнул рукой на рейс и помчался из аэропорта в Москву.

Когда он появился в квартире на Сретенке, Евдокия Дмитриевна воскликнула:

– Как быстро ты доехал! Неужели такси взял? Но ведь это такие бешеные деньги.

– Ничего страшного. Мы и дальше с тобой на такси поедем. Некогда мне за своей машиной заезжать.

Они приехали в больницу, находившуюся в глухом месте, на задворках станции метро «Тимирязевская». Елизавете

та Львовна была помещена в шестиместную палату.

– Привет, бабуля! – с наигранной бодростью поздоровался Андрей, ласково потрепав беспомощно лежавшую больную по плечу. – Ну, и напугала ты нас. Я прямо из аэропорта примчался.

– Еще чего не хватало! Отпуск испортил. Это все Дуська виновата. – Она сердито зыркнула глазами на сестру. – Говорила же тебе, не поднимай паники, не трезвонь во все колокола. Как-нибудь обойдется. Чай, не впервой.

– Вот что, Лизка, ты лучше помолчи. Побереги силы. Они тебе еще пригодятся.

Андрей сказал:

– Бабуля, я сейчас схожу и договорюсь, чтобы тебя перевели в одноместную палату.

– Да ты что! – возмутилась Елизавета Львовна. – Даже не думай. Здесь лучше – есть с кем поговорить. Есть в случае чего кому доктора позвать. А одна что я буду делать, в случае приступа?

– Нажмешь на кнопку вызова.

– И-и, милый, – протянула бабушка. – Когда плохо, то и кнопку-то не нажаришь. Не хочу в отдельную, буду здесь лежать, с коллективом.

– Капризничает, – с довольным видом констатировала Евдокия Дмитриевна. – Значит, пришла в норму.

– Ладно, бабуль. Не хочешь в одноместную – я тебя в двухместную переведу, – продолжал настаивать Корешков. – Бу-

дет у вас там хоть и маленький, да все же коллектив.

— Вы меня, конечно, извините, только в этой больнице нету одноместных и двухместных палат, — вступила в разговор моложавая женщина, лежавшая на соседней койке. — Уж у меня муж такой крутой, что дальше некуда, и то я вынуждена здесь лежать...

Посидев некоторое время с Елизаветой Львовной, Андрей разыскал лечащего врача. Это оказалась молодая, уверенная в себе женщина. Она совершенно искренне убедила Корешкова в том, что бабушке ровным счетом ничего не угрожает. Инфаркта нет, было состояние, напоминавшее предынфарктное, однако сейчас боли сняты, сердцебиение нормализовалось, и не нужно особенно беспокоиться за пациентку. Пусть несколько дней побудет под наблюдением врачей.

После больницы Евдокия Дмитриевна и Андрей вернулись на Сретенку. Они пообедали, и Корешков позвонил Мирдзе. Она только что приехала в стамбульский аэропорт, еще даже не посмотрела, задерживается прибытие рейса или самолет приземлится вовремя. Услышав от Андрея, что он вынужден был остаться в Москве, не могла скрыть своего разочарования.

— Когда же мне тебя ждать? Я скучаю по тебе.

— Постараюсь поменять билет на какой-нибудь ближайший рейс. Как только что-либо станет известно, сразу сообщу. Уж, наверное, я соскучился по тебе не меньше, чем ты.

— Это как сказать...

Потом Андрей позвонил Черевченко. Знал, что хотя их агентство по субботам не работает, директор часто приезжает в офис, чтобы, как он выражался, ликвидировать задолженность, то есть доделать дела, до которых не дошли руки в течение недели. Сегодня тоже намеревался быть там, так и оказалось.

– А ты откуда звонишь, из Анталии? – в свою очередь, поинтересовался Алексей Степанович.

Андрей рассказал ему, почему был вынужден остаться в Москве.

– Неужели совсем отменил отпуск?

– Нет, если достану билет, то завтра улечу.

– Может, сейчас подскочишь ко мне, – предложил Черевченко. – У меня есть вопросы по твоим делам.

Корешков согласился. Он и сам любил иной раз появляться в офисе по выходным, когда никто не мешает сосредоточиться, людей нет и ежеминутно не наяривает телефон.

Они сидели в кабинете Алексея Степановича. Было тихо, лишь из портативного радиоприемника доносилась спокойная музыка, иногда прерываемая информационными выпусками. Корешков не прислушивался к словам дикторов, однако в какой-то момент тон говорившего показался встревоженным. Андрей насторожился и услышал:

– По сообщению нашего корреспондента, самолет британской компании «Пэнион», вылетевший сегодня утром из Шереметьева рейсом на Стамбул, потерпел крушение, упав

через тридцать пять минут после взлета на территории Украины, в Харьковской области...

Лицо Андрея окаменело от ужаса – несомненно, это был тот самый рейс, тот самолет, на котором должен был лететь он. Лететь и погибнуть вместе со всеми остальными пассажирами. Однако волею судьбы он был вынужден пропустить этот рейс. Получается, любимая бабушка, столько сделавшая для него, вырастившая и воспитавшая, на этот раз, пусть и невольно, спасла ему жизнь.

– Судя по свидетельствам очевидцев и характеру обломков, самолет взорвался в воздухе. Отрабатывается версия теракта...

Черевченко только сейчас заметил реакцию Андрея и прошептал:

– Это был твой рейс?

Корешков молча кивнул. Перед его глазами стояла картина, которую несколько часов назад он наблюдал в аэропорту: веселые, возбужденные предчувствием долгожданного отдыха ярко одетые туристы в очереди на регистрацию, смешливая Маховикова, ее флегматичный муж, их очаровательная дочка Машенька, вот она подбегает к нему, чтобы взять игрушечную собачонку...

Теперь эта безмятежная картина неотступно преследовала Андрея. Чтобы снять напряжение, вернувшись домой, он крепко выпил – полную бутылку виски, причем почти без закуски. Нарочно не закусывал, чтобы вернее подействовал

хмель, чтобы забыться.

Виски помогло частично: он спал крепко, но недолго. Проснувшись, первым делом включил телевизор и увидел то, что не захотел смотреть накануне вечером: в поле, на месте падения обломков самолета, лежал искореженный кусок фюзеляжа «Боинга». Земля вокруг была черная, опаленная огнем. На краю воронки лежали живые цветы, стояли иконки и горящие свечи. Неровной шеренгой застыли безмолвные скорбные фигуры местных жителей, а возможно, и родственники успели приехать. Сквозь траурные цветы и трепет огоньков, каждый из которых, словно чья-то душа, перед глазами Андрея снова ожили красивые детишки, играющие за час до гибели. Это было невыносимо, Корешкова душили слезы.

В репортаже другого канала показали российских экспертов, работающих среди обломков самолета. Корреспондент попросил руководителя экспертной группы рассказать телезрителям о причинах ужасной катастрофы, в которой погибли сто десять человек.

– Пока не могу сказать ничего определенного, – ответил тот. – Следствие только началось. Безусловно, версия теракта рассматривается. Она основная, но не единственная. До окончательных выводов еще далеко.

– Это был самолет британской авиакомпании. Примут ли участие в расследовании их представители?

– Мы еще не успели поговорить с ними. Однако не сомне-

ваюсь, что они, являясь потерпевшей стороной, тоже займутся этим важным делом.

* * *

В понедельник утром в одной из многочисленных комнат офиса авиакомпании «Пэнион» собрались на совещание пять человек – четверо мужчин и одна женщина. Здесь были представители авиакомпании и агентства, застраховавшего разбившийся позавчера самолет, два сотрудника британских спецслужб и молодая женщина из Интеллидженс Сервис – сотрудница отдела по борьбе с терроризмом.

Сначала представитель «Пэниона» рассказал собравшимся все подробности, которые удалось узнать к этому времени о катастрофе «Боинга», следовавшего по маршруту Москва – Стамбул.

– Среди пассажиров разбившегося самолета находилось много граждан Британии, – сообщил он, – двенадцать человек.

– Почему так много? – удивился представитель страхового агентства. – Удивительно: рейс из России в Турцию, и вдруг на борту так много британцев. К тому же, насколько мне известно, из Москвы это не единственный рейс туда.

– Вот именно. Летают и российские самолеты, и турецкие. Но наши соотечественники традиционно выбирают что-нибудь родное, знакомое, они предпочитают «Боинги» англий-

ской компании.

– И, как видим, напрасно, – усмехнулся холеный, франтовато одетый усач, представитель спецслужб. Он произнес это совсем тихо, но представитель авиакомпании расслышал и бросил на автора язвительной реплики недовольный взгляд.

– Ваша ирония, господин Кафари, неуместна. Все это выглядит как самый настоящий террористический акт. К сожалению, это может случиться с любой компанией, с любым самолетом, в любой стране.

– Господа, речь сейчас идет о конкретном, мы рассматриваем единичный случай. Самолет был застрахован? – спросил второй представитель спецслужб, худенький молодой человек, выглядящий подростком.

– А как же иначе?! Господин Грюнглас как раз представляет здесь интересы страховой компании. Какие у вас пожелания?

– Прежде всего, мы заинтересованы в том, чтобы расследование катастрофы самолета было проведено с максимальной тщательностью, – сказал Грюнглас. – Помимо того, что это подлинная трагедия, для нас подобное событие приносит еще и значительные убытки. Если будет доказано, что имел место террористический акт, мы выставим наши финансовые претензии тем, кто был обязан обеспечить безопасность рейса.

– Сначала вы выплатите страховку за погибших, – довольно раздраженно сказал ему франт, – люди застраховались

от несчастных случаев, который, увы, и произошел. Выдайте деньги, а уж потом пытайтесь компенсировать хотя бы частично свои убытки. Кстати, если вам удастся хоть шиллинг получить с русских, именно в их аэропорту готовился самолет, тогда я первый зааплодирую.

Все это франтоватый усач говорил с плохо скрытой злостью. Его молодой коллега, напоминавший подростка, был настроен более миролюбиво. Он сказал:

– Мы понимаем ваши проблемы, господа. Надеемся, вам удастся благополучно их разрешить. Мы, со своей стороны, окажем посильную помощь. Позвольте представить человека, который будет вести расследование, руководить им. Это сотрудник отдела по борьбе с терроризмом мисс Изабелла Хартвуд.

Оба представителя бизнеса дружно кивнули симпатичной женщине, сопроводив свое приветствие вежливыми улыбками. Она была в синей юбке и белой рубашке. Ее светлые волосы были стянуты на затылке резинкой. Классический ровный нос, чуть припухлые губы с терракотовой помадой. Особенное впечатление производили ее серые глаза, опущенные необычайно длинными ресницами.

Сотрудник авиакомпании попросил:

– Будьте любезны, мисс Изабелла, познакомьте нас с информацией, которую удалось получить к этому времени.

– Если не повторять то, что уже хорошо известно из сообщений прессы, пока наше внимание привлекла лишь од-

на деталь. Дело в том, что одного из пассажиров, купившего билет на этот злополучный рейс, не оказалось на борту «Боинга». Он не прошел регистрацию.

– Может, просто опоздал, – предположил кто-то.

– Вполне возможно, – согласилась Хартвуд. – Бывает, что у людей в последний момент меняются планы. Для этого существуют тысячи причин. Однако не исключено, что он имеет отношение к катастрофе.

– Что-нибудь удалось узнать о нем?

– Только имя и фамилию. Он гражданин России, его зовут Андрей Корешков. Больше нам пока о нем ровным счетом ничего неизвестно. Причем билет ему был продан в кассе аэропорта незадолго до начала регистрации.

– То есть на субботний рейс свободно продавались билеты? – удивился Кафари.

– Нет, билет был заказан заранее. Непосредственно перед отлетом Корешков получил его, выкупил.

– Летом заказать заранее – тоже большая проблема.

Грюнглас сказал:

– Вполне возможно, террорист незаметно подложил бомбу в багаж кого-то из пассажиров. Вызвался помочь донести чемодан пожилой женщине, да и подложил в него бомбу. Похожие случаи в мировой практике бывали. Не всегда же можно рассчитывать на смертников. Гораздо чаще злодеям хочется взорвать других и не причинить вреда себе.

– Но ведь ее мог показать рентген. Тем более что случай-

ный человек показывал бы свой багаж не таясь.

– Надеюсь, в ближайшее время мне удастся выяснить, что представляет собой человек, не полетевший рейсом 3035, на который у него был билет, – подвела итог разговора мисс Хартвуд. – Сегодня днем я намерена вылететь в Москву и надеюсь добраться туда без происшествий.

– Будем за это молиться.

В понедельник утром Корешкову позвонил Алексей Степанович:

– Ты уже взял, так сказать, повторный билет в Турцию?

– Еще нет. Сейчас поеду за ним.

– Ну и славненько. Слушай, Андрей, дело вот в чем. Буквально за три дня до того злополучного рейса мы застраховали от несчастного случая семью Маховиковых: жена, муж и двое детей.

– Мальчик и девочка. Я перед отъездом узнавал их фамилию, хотел с ними познакомиться. И, по-моему, видел их в аэропорту, даже общался с девчушкой.

– Мы обязательно выплатим страховку родственникам Маховиковых, – продолжал директор, – остались родители и жены, и мужа. Однако, как ни крути, «Атлант» – все же коммерческая организация, а не благотворительный фонд. Мы должны попытаться возместить свои потери. Пойми меня правильно, в этом нет ничего предосудительного.

– А я разве сказал, что есть? – удивился Андрей. Нака-

нуне он от всех переживаний выпил, сейчас начал мучить похмельный синдром, хотелось пить, и разговор утомлял его. – Абсолютно ничего зазорного. Это элементарный бизнес. Сам думал, как тут половчей выкрутиться.

– Вот и я толкую об этом. Хорошо, что наши точки зрения совпадают. Поэтому очень прошу тебя заняться по горячим следам расследованием обстоятельств катастрофы.

– Здравсьте. А какой навар мы с этого будем иметь?

– Нужно выяснить, кому мы должны предъявить финансовые претензии – непосредственно авиакомпании или службам, которые не обеспечили безопасность полета. Согласен?

– Насчет финансовых претензий я, честно говоря, сильно сомневаюсь. Никаких договоров у нас с ними нет и в помине. С какой такой сырости они вдруг станут с нами расплачиваться! Тоже ведь умеют считать деньги.

– Их могут обязать.

– Кто?

– Правительство, например.

– Чье? Наше?

– Может, турецкое.

– Леш, не смей меня. Ладно, там видно будет.

Главное, я сам хочу разобраться с гибелью этого «Боинга». «Пепел Клааса стучит в мое сердце».

– Не врублюсь, что ты сказал.

– Не я, а один парень, Тиль Уленшпигель, носил у сердца мешочек с пеплом отца, сожженного инквизицией. Что-

бы боль гнева не утихла до тех пор, пока не будет совершенно возмездие.

Зная характер своего сотрудника, директор понял, что уж если обычно ироничный Корешков заговорил столь высокопарным стилем, значит, на душе у него скребут кошки. Лучше не продолжать разговор, иначе Андрей сильно разнервничается. Алексей Степанович попрощался, а вскоре позвонил опять:

– Только что мне звонили из ФСБ. Усиленно разыскивают тебя.

– Ну, ясный перец. У меня же был билет на этот рейс, а я не полетел. Естественно, меня числят в подозреваемых.

– Я им дал твои телефоны: и домашний, и мобильный.

– Да бога ради. Мне бояться нечего.

Изабелла Хартвуд впервые оказалась в Москве, и ей здесь понравилось с первых минут. Как истая урбанистка, бог знает в каком поколении, она всегда любила большие и шумные города. Сегодня ее встретила машина английского посольства. От предложенных услуг ФСБ она благоразумно отказалась, понимая, что их машина напичкана магнитофонами, любой разговор там записывается, а постоянно контролировать себя, находиться в напряжении – тяжело.

Сначала Изабеллу ненадолго завезли в посольскую гостиницу, где накормили обедом. В номере она успела только разложить вещи и переодеться. К четырем часам нужно бы-

ло ехать на прием к какому-то высокопоставленному чину в ФСБ.

В его кабинете Изабелла появилась в точно назначенное время. Встав из-за стола, ей навстречу шел статный светло-волосый мужчина с пронзительно голубыми глазами. Внешностью он напоминал голливудскую кинозвезду, только лицо гораздо умнее. Изабеллу пленило то, что у эфэсбэшника был бойкий английский. Поэтому можно было общаться без переводчика.

Хозяин кабинета был в штатском костюме, оказался майором, его звали Александр Николаевич. Поскольку Хартвуд еще из Лондона просила узнать, что собой представляет человек, получивший в кассе перед отправлением билет на рейс 3035, но в результате не полетевший, майор с этого и начал:

– Андрей Всеволодович Корешков, 1972 года рождения («Мой ровесник», – подумала Изабелла). Отец был журналистом, мать работала на телевидении. Они погибли, когда сыну было тринадцать лет, в автомобильной катастрофе. Причем оба были заядлыми альпинистами, совершили на Северном Кавказе очередное восхождение какой-то сложной категории, а на обратном пути, уже подъезжая к Грозному, погибли. Корешкова воспитывали две бабушки. Одна из них, Елизавета Львовна Корешкова, прежде занимала крупный пост в Министерстве геологии, она вдова ответственного партийного работника. Сам Андрей Всеволодович с отли-

чием окончил факультет журналистики Института международных отношений. О его деятельности после окончания института ничего сообщить не могу – это закрытая информация.

– Даже от вас?

– Нет, от вас, – с едва уловимой улыбкой ответил Александр Николаевич.

– Каково его семейное положение? Иногда семейные неурядицы могут толкнуть...

– Он не женат.

– Разведен?

– Никогда не был женат.

– Странно.

– Что ж тут странного? – удивился майор. – Не всем людям удастся повстречать свою любовь. Поэтому многие остаются одинокими.

– Может, вы тоже не женаты? – спросила Хартвуд, надеясь услышать приятный для женщины ответ.

– Нет, я женат.

– Рада, что вы встретили свою любовь. Скажите, этот Корешков – сотрудник спецслужб?

– Раньше был. В настоящее время – уже нет. Сейчас он работает в сугубо гражданской организации – страховой компании «Атлант», и, кстати, этим рейсом летела семья из четырех человек, застрахованная именно в этой компании.

– Любопытное совпадение. Причем те полетели, а он –

нет.

– Правда, гибель тех людей ему как сотруднику «Атланта» крайне невыгодна.

Они еще поговорили немного в таком же духе, после чего Изабелла сказала, что хотела бы встретиться с Корешковым лично. Майор предвидел такую просьбу. Он сказал:

– Можете встретиться у нас, у него дома, у него в агентстве. Где вы предпочитаете?

Подумав, мисс Хартвуд, которая являлась большой поклонницей детектора лжи, спросила:

– Скажите, пожалуйста, у вас здесь есть «полиграф»?

– Сколько угодно, – сказал Александр Николаевич и с налетом гордости в голосе добавил: – Мы даже даем их напрокат фирмам, которые подбирают сотрудников на ответственные должности.

– Тогда хотелось бы встретиться с этим человеком на вашей территории.

* * *

Накануне Корешкову несколько раз звонили из ФСБ, предупреждали, что завтра в нашу столицу прибывает сотрудница английского Интеллидженс Сервис, из отдела по борьбе с терроризмом. Она ведет расследование катастрофы принадлежавшего английской авиакомпания «Боинга», летевшего из Москвы в Стамбул.

Андрея это известие ни капельки не удивило. Он бы и сам на ее месте первым делом повстречался бы с человеком, который должен был лететь тем рейсом и почему-то не полетел.

Утром Корешков поехал в «Атлант», и когда в половине третьего ему позвонили из ФСБ, пригласили к себе и спросили, нужно ли присылать ли за ним машину, сказал, что приедет на своей. Правда, потом пожалел о том, что отказался. Во-первых, по пути на Лубянку попал в несколько утомительных пробок. Во-вторых, когда подъехал к нужному зданию, еще долго дергался, пытаясь найти место, где можно припарковаться. Если бы не случайно отъезжавшая машина, неизвестно, сколько бы пришлось искать место для стоянки.

Получив пропуск, Андрей попал в распоряжение поджидавшего его лейтенанта, который не стал утруждать его объяснениями дороги, а без лишних слов проводил до нужного кабинета. Там его встретил майор, представивший Корешкову англичанку – строгого вида женщину с хорошей фигурой. Когда они остались вдвоем, Изабелла Хартвуд сказала, что, являясь офицером разведывательной службы, по заданию авиакомпания ведет расследование катастрофы «Боинга».

– То есть, насколько я понимаю, вы работаете в отделе по борьбе с терроризмом? – уточнил Андрей.

Изабелла была покорена этим вопросом. Уж на что хорошо говорит по-английски майор Александр Николаевич, однако господин Корешков говорит вообще совершенно сво-

бодно, без намека на акцент. Мисс Хартвуд даже хотела поинтересоваться, где этому русскому удалось так хорошо выучить язык, но вовремя вспомнила, что он был сотрудником спецслужб, и промолчала. Зачем спрашивать то, что все равно останется без ответа. Лучше она сразу спросит, почему господин Корешков не полетел вчера в Стамбул, хотя у него был билет.

– Все очень просто, мисс Хартвуд. Я прибыл в аэропорт и стоял в очереди на регистрацию. Передо мной уже оставались буквально два-три человека, когда мне неожиданно позвонили и сказали, что «скорая помощь» увезла мою бабушку в больницу. У нас не такие отношения, чтобы я это просто принял к сведению. Конечно, я тут же ринулся в больницу, забыв обо всем на свете.

– Вы направлялись в Турцию на отдых или предстояла деловая поездка?

– На отдых, у меня двухнедельный отпуск.

– У вас была путевка?

– Нет. Я собирался отдыхать, сняв номер в гостинице. У нас это называется «ехать дикарем».

Что-то удержало Андрея от того, чтобы рассказать о поджидавшей его в Анталье подруге.

Изабелла задала еще несколько уточняющих вопросов, после чего поблагодарила за подробные и четкие ответы.

– Если бы, мистер Корешков, вы не были бывшим сотрудником спецслужб и не работали сейчас в крупном страховом

агентстве, на этом нашу беседу можно было бы закончить. Однако мы, как вы догадываетесь, отрабатываем не только версию теракта.

– Вы имеете в виду вариант махинаций со страхованием?

– Это мы тоже не можем сбрасывать со счетов.

– Надеюсь, вы не собираетесь лишить меня свободы до конца следствия? – усмехнулся Андрей.

– Таких намерений у меня нет. Я всего лишь хочу, чтобы вы прошли проверку на «полиграфе». Это обычно в нашей практике. Да и вам, наверное, приходилось его использовать при работе. У вас нет возражений?

Корешков знал, что для проверки на детекторе лжи требуется или согласие допрашиваемого, или специальное разрешение прокуратуры. Но, поскольку ему нечего скрывать, он не стал обострять ситуацию.

– Пожалуйста, проверяйте. Мне отнюдь не хочется, чтобы ехали в больницу, чтобы проверить, правда ли там лечится моя бабушка.

После этих слов Андрей разделся до пояса, давая понять, что ему хорошо известны методы работы с детектором лжи.

Изабелла подошла к столу, на котором стоял «полиграф». Он представлял собой ноутбук с датчиками, соединенными с ним через специальный преобразователь тонкими проводками с разноцветными оплетками. Включив ноутбук, Изабелла надела на правую руку Корешкова датчик артериального давления, на три пальца левой руки – тугие резиновые

колечки, на грудь и на живот прикрепила датчики дыхания. Затем установила под ножками стула датчики двигательной активности. Со стороны могло сложиться впечатление, что Корешкова собирается пытать инквизиция. Завершая подготовку к процедуре, англичанка тщательно поправила веб-камеру – теперь ее «глазок» смотрел точно на лицо допрашиваемого.

– Напоминаю, что на все вопросы следует отвечать только «да» или «нет».

Не отрывая глаз от экрана ноутбука, она задала Андрею несколько вопросов из тех, которые уже задавала раньше. Некоторые повторила по два-три раза.

Закончив процедуру, Изабелла неподвижно сидела с обескураженным лицом, что не укрылось от взгляда Корешкова.

– Что с вами, мисс Хартвуд? Неужели машина растолковала вам, какой я жулик и преступник?

– Одно из двух, – вздохнула Изабелла. – Либо я должна немедленно вызвать конвой, чтобы надеть на вас наручники как на человека, причастного к взрыву самолета...

– Либо?

– Либо у вас проблемы со здоровьем. Слишком частый пульс, к тому же аритмия. Откуда это, вы ведь молодой человек.

Андрей криво усмехнулся. Сможет ли понять его эта иностранка, живущая в совершенно ином измерении, нежели

он? Неизвестно, какие у нее духовные приоритеты, да и существуют ли они вообще. Хотя тут он, пожалуй, несправедлив. Ему приходилось сталкиваться за границей и с содержательными людьми, и с отзывчивыми.

Он поднял правую руку и постучал по груди:

– «Пепел Клааса стучит в мое сердце».

– Я вас прекрасно понимаю, – кивнула Хартвуд. Она сняла с его пальцев кольца датчиков, сделав это быстро и нежно, словно боялась причинить ему боль. Оба почувствовали доверие друг к другу. Андрей одобрительно отозвался про Интеллидженс Сервис, сказал, что слышал от настоящих профессионалов много хорошего об этой организации, о методах ее работы. В ответ он тоже получил набор комплиментов, касающихся его личных качеств.

– Мисс Хартвуд, я охотно оказал бы вам помощь в расследовании. Сейчас как раз тот редкий случай, когда у меня есть свободное время, правда, придется потратить часть отпуска, если не весь. Поскольку я знаком со многими российскими реалиями, которые способны поставить любого иностранца в тупик, то могу быть вам полезен.

Она засмеялась:

– В первую очередь меня интересует одна реальия – где в Москве можно перекусить. Я прилетела утром и сегодня еще почти ничего не ела.

Если бы Андрей знал, что не далее как полтора часа назад Изабеллу накормили в посольстве обедом, то реагировал бы

на ее слова иначе. А сейчас он охотно откликнулся:

– Как ни странно, но такие места мне известны. Если вы продержитесь еще минут пятнадцать, то я продемонстрирую вам некий так называемый клуб, где можно питаться без малейшего риска для здоровья. Кстати, я тоже еще почти не ел.

– Согласна.

Говоря так, Корешков имел в виду находившийся неподалеку от его дома сравнительно скромный клуб «Левиафан» (владельцы Левин и Афанасьев, название отсюда), где он время от времени столовался. Правда, появлялся обычно там поздно, ужинал, однако знал, что днем клуб тоже функционирует и там можно хорошо пообедать. Туда не стыдно привезти английскую подданную.

Пока они покинули пронизанное бесконечными коридорами здание ФСБ, пока договаривались с посольским шофером, что тот неотступно будет следовать за корешковским «ранглером», прошло достаточно много времени, и в «Левиафане» они появились в «пересменок» – дневных посетителей уже не было, они разошлись, а вечерних – еще не было. В уютном зале, освещаемом утопленными в стенах и потолке неяркими лампочками, Изабелла и Андрей заняли угловой столик. Корешков на правах радушного хозяина заказал много еды, хотя прекрасно знал, что англичанка, как всякая женщина, следящая за фигурой, слегка поклует, а многое останется нетронутым. Вся надежда была на виски, которое способно поддерживать нормальный аппетит.

Выпив пару рюмок и поев бульона, Изабелла расслабилась, пришла в хорошее настроение, закурила. Чувствовалось, в «Левиафане» ей нравится. Однако о делах разведчица не забывала. Сказала Андрею:

– Я ценю ваше предложение объединить усилия. Однако не вижу, как это можно сделать на практике. Я – офицер спецслужб. Вы сейчас – человек сугубо штатский, не задействованы в каких-либо силовых структурах. Для меня вы не более чем частное лицо.

– В этом-то и будет плодотворность нашего альянса. Я очень нуждаюсь в вашей помощи. У вас есть право арестовывать преступников или ликвидировать их в случае необходимости. У меня как у частного лица подобного права нет.

– Ваш резон я прекрасно понимаю. Но я-то могу действовать и без вас.

– Ну, как знаете, мисс Хартвуд. Я навязываться не стану. Вам придется рассчитывать на вашу интуицию – брать меня в супружесцы или нет. Судьба не случайно свела нас.

– Вы, оказывается, фаталист. Ну, знаете ли... Ваши слова звучат как предложение руки и сердца.

– Обычно женщинам это приятно? – кокетливо спросил Андрей.

– Смотря кто предлагает, – не менее кокетливо ответила она. – Во всяком случае я ничье предложение пока не принимала.

– Все же, мисс Хартвуд, я считаю, – вновь посерьезнел

Корешков, – вы должны использовать мой потенциал на все сто процентов.

– Даже так? Объясните, что вы имеете в виду.

– Пожалуйста. Как вы прекрасно понимаете, я должен был погибнуть с этим самолетом. Тем не менее я остался в живых.

– Вам невероятно повезло.

Андрей помотал головой:

– Мне кажется, на свете не бывает ничего случайного. Самолет был обречен, значит, и я тоже. Однако приговор по неведомым причинам вдруг отменили. Или всего лишь отсрочили, – добавил он.

– Какой приговор, мистер Корешков? Я вас не понимаю.

– Я остался в живых, чтобы отомстить убийцам. И до тех пор, пока это не будет сделано, я буду мучиться. Эта задача будет постоянно преследовать меня. Тогда, в аэропорту, я видел этих детей, девочку и мальчика. Отныне у меня перед глазами все время их лица. Счастливые и беззаботные.

Изабелла предложила выпить, Андрей налил виски ей и себе. Выпив, она сказала:

– Мистер Корешков, по-моему, вы воспринимаете счастливую для вас случайность как миссию, ниспосланную свыше. Мне кажется, это неверно и даже опасно.

– Для кого?

– Для вас, разумеется.

– Все решено не здесь и не нами, – усмехнулся он.

Закурив сигарету, Хартвуд сказала:

– Ну, хорошо. Если я соглашусь на ваше предложение о сотрудничестве, то нужно подумать, как это сделать официально.

– Не понимаю, какие у нас могут быть трудности. Нужно элементарное доверие, иначе ничего не получится.

– Этого мало. Я должна действовать в рамках правил оперативной деятельности.

– И как вы это себе представляете? – спросил Андрей, еще не понимая, куда клонит собеседница.

– Ну, например, мне разрешено использовать осведомителей.

Корешков встал и протянул англичанке руку:

– Вашу лапку, коллега.

Изабелла, не поняв его странного поведения, машинально протянула руку. Нагнувшись, Андрей подставил под ее ладонь свою и поднес к губам:

– Спасибо за приятный вечер.

Он повернулся, чтобы уйти. Изабелла сидела с ошеломленным видом.

– В чем дело? – после паузы спросила она. – Что с вами случилось?

– Вырастешь, Белла, узнаешь, – криво усмехнувшись, ответил Андрей. – Посольский шофер знает отсюда дорогу до гостиницы.

Он вразвалочку подошел к барной стойке, расплатился,

затем, даже не оглянувшись на Хартвуд, покинул помещение.

Изабелла с удивлением и досадой смотрела ему вслед. Да, видимо, не случайно Достоевский и Чехов писали про загадочную русскую душу.

Глава 3

СРЕДИ ГАСТАРБАЙТЕРОВ

На следующее утро у Корешкова было убийственное настроение. Он последними словами корил себя за то, что вчера так по-хамски обошелся с англичанкой. В самом деле – симпатичная женщина, иностранка, пригласил ее поужинать, а потом взял и ушел без объяснения причин. Бросил в чужом городе, хорошенькое гостеприимство. «Послать бы тебя за это, братец, на конюшню, – говорил он сам себе, – чтобы высыпали там тебе изрядную порцию плетей. Иной судьбы совсем ты не достоин».

Помимо всего прочего, скверно было еще и то, что он не мог сейчас позвонить ей, извиниться, договориться о встрече. Познакомился с ней в кабинете майора ФСБ, номер телефона которого тоже не знал. Короче говоря, концы обрублены. Была англичанка – и нет англичанки. Исчезла, как сон, как утренний туман.

В довершение ко всему вчера поздно вечером ему позвонила Мирдза, которая ждет не дождется Корешкова в Анталии. Он честно признался, что ему в первую очередь хочется разобраться с катастрофой самолета, чем довел обычно сдержанную Мирдзу до слез. Так что вчера для него выдался не самый удачный день.

Однако дело сделано, его не исправить. Теперь нужно взять себя в руки, сосредоточиться и продумать план действий, чтобы не шарахаться из стороны в сторону. Есть два возможных варианта: или он отправляется отдыхать, или пытается разобраться с погибшим «Боингом». Только с чего начать?

Для начала Андрей решил поехать к себе в агентство. Дома у него Интернета нет, обстановка расхолаживающая: сидит в халате и занимается самобичеванием. А в рабочей обстановке, на людях, сосредоточится, залезет во Всемирную паутину и, возможно, за что-то ухватится.

Сказано – сделано. Уже через полчаса пребывания в «Атланте» Корешков хвалил себя за редкостную предусмотрительность. Молодец, не зря он покинул любимое кресло и приехал сюда. Порывшись в Интернете, Андрей посмотрел сайты турецких газет и обнаружил, что один из летевших трагическим рейсом рабочий Мустафа Кемаль был застрахован на рекордно крупную сумму. Это сделанное мимоходом сообщение напоминало какую-то зацепку.

Корешков с радостным возбуждением, словно охотник, почувствовавший что где-то рядом находится дичь, продолжил поиски, когда услышал стук в дверь.

– Входите! – откликнулся он, думая, что это кто-то из очередных посетителей агентства. Каково же было его удивление, когда в проеме открывшейся двери увидел радостно улыбающуюся Изабеллу Хартвуд.

– Здравствуйте, мисс Хартвуд! – певуче произнес он, вставая. Андрей старался не показать вида, что доволен появлением англичанки. – Какими судьбами? Как вы нашли наше благословенное агентство?

– Как нашла, расскажу вам при случае. Это, кстати, было не очень сложно. Вы лучше расскажите, мистер Корешков, что с вами произошло вчера? Почему вы покинули «Левиафан» практически по-английски – не прощаясь. Это впору сделать англичанке, то есть мне, но уж никак не вам. Или ваше вчерашнее предложение было всего лишь шуткой?

– Нет, – опять насупился Корешков. – Только я не подставлялся под вербовку в качестве осведомителя. Если бы вы были мужчиной, то разговор бы был у нас совсем другой.

Глаза Изабеллы негодуяюще сверкнули:

– Дьявол побери! Я совсем не собиралась вас вербовать. Это меня интересует меньше всего. Я просто предложила вариант, при котором ваше участие в расследовании могло быть оплачено. Ведь каждый труд необходимо стимулировать.

– Премного благодарен за заботу! – саркастически ответил Андрей. – Спасибо большое. Только мне платит моя компания, штатным сотрудником коей я являюсь. И уверяю вас, мисс Хартвуд, очень хорошо платит, – произнес он, несколько погрешив против истины. – Я не нуждаюсь в заработках на стороне.

– Рада за вас. Значит, ваше предложение о сотрудничестве

остаётся в силе?

– Нет. Оно снято. Я передумал.

– Идите вы к черту! – в сердцах выкрикнула Изабелла.

Она резко повернулась и вышла из кабинета, громко хлопнув дверью. Черт бы побрал эту загадочную русскую душу вообще и этого Корешкова в частности. То он любезен, а через минут грубит; сначала говорит одно, а потом противоположное; радуется при ее появлении, но почему-то старается скрыть это. Нет, с таким человеком иметь дело, значит, трепать себе нервы.

Хартвуд, как ошпаренная, выскочила из здания «Атланты» и в крайнем раздражении уселась в «Мицубиси», который ей как сотруднице Интеллидженс Сервис выделили в посольстве на время пребывания в Москве. Изабелла завела машину, перевела рукоятку автомата в положение «Д» и тут же дала по тормозам – она увидела, что перед самым капотом стоит Корешков.

Изабелла выскочила из машины:

– Что вам от меня надо?! Желаете, чтобы я вас задавила?!

– Успокойтесь. И простите меня. Вы ведь не за тем приехали, чтобы выяснять отношения. Наверное, вам удалось что-то узнать. Уж не про Мустафу ли Кемаля?

Хартвуд от удивления раскрыла рот:

– Откуда вы знаете?

– Представьте себе, из Интернета. И такую информацию там можно раздобыть при желании. Турецкие газеты со-

общили, что летевший рейсом 3035 строительный рабочий Мустафа Кемаль был застрахован на небывало крупную сумму. А вы как узнали про него?

– Не из Интернета. О нем мне сообщил один из турецких, как вы с презрением называете, осведомителей. Кемаль работал в Москве в строительной фирме, сейчас они возводят четыре жилых небоскреба на Дубнинской улице. Я получила разрешение на допрос персонала фирмы. Ну так как, мистер Корешков, предложение о сотрудничестве остается в силе?

Андрей почесал затылок:

– Ладно. Если вас не пугает мой вздорный характер, давайте попробуем еще раз войти в одну и ту же реку. Только с одним условием.

– Я слушаю, – насторожилась Хартвуд. Какое еще коленце выкинет сейчас этот русский?

– Условие очень сложное: вы перестаете называть меня мистером Корешковым и зовете просто Андреем.

– Согласна, – с облегчением рассмеялась Изабелла. – Тогда у меня тоже есть одно условие.

– Интересно узнать, насколько далеко простирается ваша фантазия.

– Условие такое: вы сейчас же садитесь за руль этой машины. Потому что с вашим дурацким правосторонним движением я уже несколько раз была на волосок от гибели.

Даже среди большого нагромождения высоких новостроек «спального» микрорайона четыре строящихся турецкой фирмой небоскреба, расположенные близко один от другого, по углам квадрата, были заметны издалека. Любознательный Андрей попытался на ходу посчитать, сколько там этажей. Не то тридцать четыре, не то тридцать пять. Сказал об этом Изабелле.

– Тридцать пять, – уверенно заявила она. – Я уже посчитала.

В будке у входа на стройплощадку сидел пожилой вахтер, который с явным наслаждением пил чай. Никаких пропусков у молодых людей он спрашивать не стал. Отвечая на их вопрос, показал, в какой бытовке находится контора, сказал, что им повезло – администратор сейчас на месте: «А то ведь иной раз уедет по делам, тогда ищи-свищи».

Кроме администратора, в помещении, сверх всякой меры заставленном стеллажами с кипами бумаг, папками и рулонами чертежей, находились еще три человека. Все опасно посмотрели на появившихся европейцев. Изабелла в двух словах объяснила цель их приезда. Администратор сказал что-то по-турецки коллегам, и те сразу ушли.

– Мне хотелось бы посмотреть досье погибшего господина Кемалья.

– О'кей.

Администратор подошел к стоящему в углу канцелярскому шкафу и, выдвинув один из ящиков, достал тоненькую папку. Положил ее на стол перед Хартвуд.

– Вот документы Кемаля. Все в полном порядке. Мы не нанимаем на работу незаконных эмигрантов. Он тоже регистрировался.

– Пока вы смотрите документы, – сказал Корешков Изабелле, – я поговорю с рабочими.

– Только недолго. Кажется, бумаг тут не очень много.

– Постойте, – сказал администратор, открыл шкаф и достал белую пластмассовую каску. – Наденьте. Техника безопасности.

Разыскав на верхотуре бригаду отделочников, Андрей попросил их рассказать про своего погибшего товарища. Рабочие не говорили по-английски, лишь один из них более или менее изъяснялся на русском.

– Смерть Мустафы – большая беда для его семьи. Настоящее горе. Семья большая, много людей – жена, двое детей, брат, две сестры, мать, слепой отец. Всех нужно кормить.

– Вы его земляк?

– Нет, он рассказывал.

– Он отсылал им деньги?

– Обязательно. Мы все посылаем деньги домой. У Мустафы есть младший брат. Теперь он должен будет кормить семью.

– Мустафа много зарабатывал?

– Нельзя сказать, чтобы очень. Он был не старательный.

Не любил работать.

Когда дело коснулось конкретных цифр, то с большим трудом удалось выяснить, что рабочие в среднем посылают на родину долларов семьсот в месяц. Однако у Кемаля, видимо, таких сумм не набиралось.

Андрей вернулся в контору. За время его отсутствия Изабелла успела сделать ксерокопии нужных бумаг, в том числе скопировала фотографию погибшего строителя, которую сразу показала Корешкову:

– Вы видели этого человека в аэропорту?

Тот покачал головой:

– Нет, не припомню.

На достаточно нечеткой копии маленького снимка можно было различить лицо молодого паренька с тщательно зачесанными назад волосами и черными усами.

– Там, наверное, было много людей, похожих на него. У Кемаля – типичная турецкая внешность, – сказала Хартвуд.

– Как раз нет, – возразил Андрей. – Мне бросилось в глаза, что там находилась большая группа англичан. Много наших туристов. А никого, похожего на Кемаля, я не заметил. Наверное, он прибыл в аэропорт после моего отъезда.

Администратор, извинившись, вышел.

– Что вам удалось узнать у рабочих?

– Сказали, что у Кемаля была большая семья, к тому же

слепой отец. Только зарабатывал парень здесь не очень много, потому что был ленив. Похоже, его принесли в жертву, — предположил он.

Хартвуд хмыкнула:

– Даже так? Оригинальная версия. И с чем, по-вашему, связана такая жертва?

– Я не имел в виду сатанинские мистерии или языческие ритуалы. Мне кажется, здесь все проще и страшнее. Семья решила обогатиться, пожертвовав жизнью самого бесполезного ее члена.

– Неужели вы совсем отбрасываете версию обычного теракта? Или хотя бы, что тот же Кемаль был членом террористической группировки?

– Конечно, нет. Только все же мы не случайно в первую очередь обратили внимание на Кемалья. Страховой бизнес знает случаи, когда кто-то жертвует собой ради процветания или хотя бы выживания семьи, детей. Всяко бывало.

– Вы готовы их оправдать? — прищурившись, спросила Изабелла.

– В принципе, я могу их понять. Однако не тогда, когда гибнут сто с лишним ни в чем не повинных людей.

В это время у Хартвуд зазвонил телефон. По мере разговора выражение ее лица становилось все более озабоченным. Выключив телефон, она сказала:

– Мне сообщили, что семья Кемалья уже заявила о своих правах на страховку.

Андрей лишь пожал плечами:

– Ну, и что тут особенного? Раз есть страховка, значит, найдется и тот, кто захочет ее получить. Этого следовало ожидать.

– М-да. Только все же необходимо учесть, что Мустафа вылетал из Москвы. Неужели у его бедных, убитых горем родственников столь длинные руки, что они способны быстро связаться с лондонской авиакомпанией?

– Мы же совсем не знаем этих людей. Может, среди их родственников есть юристы.

– Боюсь, нам не избежать знакомства с семейством погибшего.

– Вы считаете, это что-то даст?

– Трудно сказать, Андрей. Но разве можно их совсем игнорировать?

– Тоже верно.

– Значит, мы летим в Турцию?

Корешков представил, как обрадуется Мирдза, узнав о его прилете. И в то же время с ужасом понял, что если она будет находиться рядом, ни о каком нормальном расследовании не может идти речи. Не такой она человек, чтобы делать два дела одновременно. Если приехала отдыхать, то нагружать себя другими заботами не станет и ему работать не даст. Значит, для нее он по-прежнему в России. Во всяком случае, до поры до времени.

Глава 4

ТУРЕЦКИЙ МАРШ

Поскольку Андрей решил не говорить Мирдзе о своем прилете в Турцию, то звонил ей и по-прежнему разговаривал так, словно находится сейчас в Москве, а не в двух часах езды от того городка, где в этот момент мается в ожидании его прекрасная природная блондинка. Узнай она, что любимый так близко, пулей примчалась бы. Ему же в ближайшие дни необходимо сотрудничать с не менее очаровательной представительницей английской разведки, и появление Мирдзы способно только помешать работе.

Правда, непосредственно делом, приведшим их в Турцию, они займутся завтра. Сейчас же, прилетев около десяти вечера, нужно побыстрее устроиться в отеле, чтобы сделать тайм-аут, прийти в себя после дороги, акклиматизироваться.

Из стамбульского аэропорта Хартвуд и Корешков проехали на такси на запад, в сторону Текирдага, городка, где обитала многочисленная родня Кемаля, около шестидесяти километров, прежде чем остановились в симпатичном пятиэтажном отеле на побережье Мраморного моря. Постояльцев здесь оказалось много. Вновь прибывшей паре особенно выбирать было не из чего – нашлось всего два свободных одноместных номера, правда, они находились рядом. Их-то

и заняла пара европейских сыщиков.

Войдя к себе, Андрей сразу водрузил сумку на специальную деревянную подставку возле дверей и прошел на лоджию. Прекрасный морской пейзаж открылся его глазам. Стояла совершенно безветренная погода. Полная круглая луна освещала водную поверхность загадочным фосфоресцирующим светом, придавая пейзажу вид театральной декорации. Ощущение условности дополняло темное небо, густо усеянное нереально крупными звездами, в России такая звездная россыпь попадает только на юге. Чуть правее внизу находился неправильной формы бассейн, окруженный пальмами и большими, с человеческий рост, вазами с красными, оранжевыми и синими цветами. Небольшая компания девушек и парней сидела на белых пластмассовых стульях, поставленных на самом краю бассейна, одна девушка плавала. Друзья комментировали ее заплыв шутливыми репликами, сопровождаемыми взрывами хохота. Чувствовалось, у всех прекрасное настроение.

Несмотря на поздний час, к бассейну прибежали двое загорелых детишек, мальчик и девочка. Завидев их, Андрей страдальчески поморщился: сразу вспомнились погибшие дети Маховиковы, за которых нужно было отомстить неведомому пока противнику.

Корешков на скорую руку сполоснулся под душем, надел другую рубашку и спустился в бар, вход в который находился возле рецепции. Сел за стойку и заказал виски с содовой.

Здесь играла приглушенная магнитофонная музыка, и почти все посетители танцевали. Несколько пар танцевали на площадке за стеклянной дверью, где под открытым небом тоже стояли столики. Музыка была медленная, движения танцующих под стать ей – медленными и плавными. Казалось, они находятся не на воздухе, а на воде.

Вскоре в баре появилась Изабелла. Она была одета очень легко: шортики и короткий топ. Губы были накрашены яркой помадой, распущенные волосы придавали природной блондинке в высшей степени сексапильный вид.

– Почему же вы не зашли за мной? – капризно спросила она, подойдя к Корешкову.

– Думал, вы отдыхаете после дороги.

– Неужели у меня усталый вид?

– Сейчас-то я вижу, что это не так. Ошибся в прогнозах.

– Вот чего у меня нет, так это вечернего платья, – прошептала Изабелла, томно заглядывая ему в глаза.

– Так оно здесь и не нужно.

– Не только здесь. Оно нам и в номере не нужно.

Она попыталась обнять его, однако Андрей мягко отстранил ее руку:

– Хартвуд, остыньте. Видите, в каком я настроении.

– Я уже успела заметить, что ты называешь меня по фамилии, когда чем-то недоволен. Хотя не понимаю: чем. Чем я тебя обидела? Работа – сама по себе, жизнь – сама по себе. Я хочу заняться любовью, и ты самый подходящий для этого

мужчина. Или я не права?

– Мне хочется побыть одному, подумать.

– Ну-ну, Спиноза, – насмешливо произнесла она, пытаюсь спрятать обиду. – Тогда – чао, бамбино. Ночь коротка, а нужно успеть сделать так много.

Вихляющей походкой Изабелла направилась к стеклянной двери и присоединилась к танцующим на площадке. Сначала она бросала призывные взгляды в сторону неподвижно сидящего Корешкова, однако потом ей принялся оказывать усиленные знаки внимания некий молодой здоровяк в пестрой рубашке, и Андрей моментально был забыт.

Он же, расправившись со своим виски, вернулся в номер и лег спать. Как назло, долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок. Посреди ночи вдруг проснулся и долго лежал на спине. Тишину нарушал легкий шелест кондиционера, да время от времени снаружи доносилось игривое женское повизгивание.

Понимая, что уже не заснет, Андрей, не зажигая света, вышел на лоджию и закурил. Море по-прежнему покоилось в лунном свете. Все кругом было неподвижно, не было видно ни одной машины. Ночной покой нарушала лишь парочка, занимающаяся в бассейне любовью. Особенно усердствовала женщина. Приглядевшись, Корешков узнал в неугомонной блондинке, без устали осаждавшей партнера, представительницу английских спецслужб. Глядя на строгую и даже несколько чопорную Изабеллу днем, трудно было предполо-

жить, что эта особа способна на такие сексуальные притязания.

* * *

Утром они взяли в пункте проката отеля машину и направились в расположенный рядом Текирдаг.

Глядя на них со стороны, можно было подумать, что прошедшей ночью мисс Хартвуд вела благопристойный образ жизни, а Корешков – разгульный. Вид у него был усталый и недовольный, иногда Андрей не мог совладать с зевотой. Изабелла же, наоборот, была в приподнятом настроении, без конца улыбалась и напевала танцевальные мотивчики. К тому же она выглядела так хорошо, будто вернулась из санатория.

Андрей вел машину и старался поменьше смотреть на свою симпатичную спутницу. Вопреки всякой логике, он был на нее обижен, хотя сам же вчера отверг ее сексуальные поползновения. Теперь же, когда у него перед глазами стояла картина в бассейне, которую случайно наблюдал ночью, почувствовал даже нечто вроде укола ревности к вчерашнему мачо и сидел, сурово нахохлившись.

– У нас возникли какие-то проблемы? – со смешком обратилась к нему Хартвуд.

– Почему вы так решили? Абсолютно никаких.

– Почему же мы такие кислые?

– Незнакомая дорога, – не глядя на женщину ответил он. – Нужно быть сосредоточенным, чтобы не пропустить светфор. Порой они так незаметны.

– До города светфоров не будет, тут и сосредотачиваться нечего, – позевывая, ответила Изабелла. Она включила музыку и поудобней устроилась на сиденье.

С каждой минутой пейзаж становился все более суровым. Вскоре появились первые предвестники города: кучи разношерстного мусора, заброшенные постройки, латанные-перелатанные жестью и фанерой домишки. Наконец появились автомобильные мастерские, следом за ними, магазинчики с самодельными вывесками. А вот и первый светфор.

Теперь Изабелла и Андрей ехали по улице крупного, по турецким меркам, провинциального городка. Он расположен вдалеке от туристических троп, поэтому тут не было никакого великолепия. Даже неоновых вывесок мало. Типичный восточный город: скучный, одновременно ленивый и суетливый, жаркий, пыльный. Никакой показухи, все только для себя, для внутреннего пользования. На главной улице – сплошные кофейни, кальянные, лавочки и магазинчики. На улицах перед витринами, возле входа в магазин, устанавливались столы с образцами предлагаемых товаров. Около продовольственных лавочек обязательно красовались три-четыре бараньи головы с запекшейся кровью, издали напоминавшие экзотические фрукты.

Машина миновала чахлый сквер, незаметно перешедший

в кладбище, фабрику кожаных изделий – вход окружали тележки с ворохом сумочек, казакинов и дубленок с вышивкой – и въехала в жилой, окраинный район города. Здесь улицы были чуть шире, пыли – меньше, поэтому жара ощущалась не так сильно. По обе стороны улицы тянулись высокие стены с дверями и воротами, ведущими во внутренние дворы.

– Где же без карты мы найдем в этом муравейнике дом Кемалей? – спросила Изабелла и, не дожидаясь ответа, добавила: – Придется спрашивать у аборигенов. Не уверена, что это поможет.

Обратившись к нескольким прохожим по-английски, Андрей понял всю бесполезность своих попыток найти с ними общий язык.

– Лучше нам сразу обратиться в полицию, – сделала вывод Хартвуд. – Без их помощи мы здесь вряд ли добьемся чего-нибудь путного. Даже если найдем нужную улицу.

Слово «полиция» первый же проходивший мимо мальчик прекрасно понял и жестами объяснил, как туда добраться. Это оказалось совсем близко.

Когда Изабелла и Андрей вошли в помещение полицейского участка, им показалось, что попали из Турции если не в другой мир, то по крайней мере в другую страну. Благодаря работающим вентиляторам здесь был почти прохладный воздух. Мужчины в форме спокойно разговаривали по-английски. Европейцев принял начальник участка – толстый высокий человек с маслянистыми глазками. Выслушав их

просьбу, он мигом вызвал одного из подчиненных – капитана по имени Орхан. Несколько чопорно представив его гостям, начальник сказал:

– Наши уважаемые иностранные коллеги приехали по делу погибшего Мустафы Кемалю. Они хотят выяснить нужные подробности у его родственников. Ты проводи их в дом Кемалю и побудь там с ними, помоги ориентироваться, объясни все, что потребуется.

Капитан Орхан понятливо кивнул:

– Когда вы желаете, господа, навестить семейство Кемалю?

– Мы думали сделать это прямо сейчас.

– То есть вы не собираетесь отдохнуть с дороги, попить кофе, перекусить?

– Нет, мы не устали, – ответила Хартвуд. – Поедим позже. Дом Кемалю находится далеко отсюда?

– Близко. У нас тут все близко.

– Можно дойти пешком?

– Можно и пешком, – улыбнулся капитан. – Но мы поедем на машине. Так будет проще.

Он был настолько вежлив, что, казалось, вот-вот сделает книксен.

Чтобы не тратить времени на объяснение дороги, капитан сам сел за руль прокатного «Мицубиси», и через пять минут машина, изрядно перед этим пропетляв по узким кривым улочкам, остановилась возле каменного одноэтажного дома, напротив калитки, выкрашенной синей краской. Ор-

хан нажал кнопку звонка, и через несколько минут металлическая калитка открылась. Перед ними стоял высокий худощавый старик в сине-черном халате и белой тюбетейке.

Орхан вежливо поговорил с ним по-турецки, после чего старик с некоторой опаской посторонился, пропуская гостей.

– Идемте под навес, – сказал капитан, – посидим в тени, попьем кофе.

Сыщикам сразу припомнились рассказы Кемалья коллегам о слепом отце. Хартвуд даже уточнила у полицейского, это ли отец Мустафы. Оказалось, да. Значит, товарищам по работе сынок врал самым наглым образом. Зачем? Чтобы вызвать жалость?

Вся компания гуськом направилась по каменистой дорожке в противоположный угол двора. Дом, судя по всему, был довольно зажиточный, во всяком случае по местным масштабам. Когда Изабелла и Андрей проезжали по городу, им на глаза попадалось много домиков более скромного вида. Земля вокруг цветочных клумб здесь была аккуратно выложена кафельной плиткой; угол, где расположились хозяин и гости, застелен безбрежным ковром; на низких табуретах лежали новенькие ковровые подушки.

До какого-то момента старый Кемаль был спокоен и радужен. Вызвав из дома внука, мальчика лет пятнадцати, он велел ему приготовить кофе. Приказ деда тот выполнил быстро и хорошо. Сначала принес на стол тарелку халвы, а потом очень маленькие цилиндрические чашечки ароматного – с

кориандром – кофе.

Однако на вопросы гостей старик отвечать явно не хотел, говорил, что после гибели сына он плохо соображает, в голове мысли только о его бедном Мустафе, никаких других нет. Его бесполезно спрашивать. Офицер переводил слова аксакала бесстрастным тоном, однако сыщики в первую очередь прислушивались к интонации самого говорящего – она тоже казалась равнодушной, не подверженной большим, вполне объяснимым в подобной ситуации эмоциям.

– Если вам трудно, можем мы тогда поговорить с вдовой вашего сына? – поинтересовался Корешков.

– О, нет, это исключено. Она сейчас к чужим не выходит. Траур. Да и что она скажет? Что вы хотите узнать?

Изабелла повторила то, что уже говорила несколько минут назад:

– Как и все пассажиры разбившегося самолета, ваш Мустафа тоже был застрахован. Вы знаете, что такое страховка?

– Первый раз слышу.

– Это своеобразная денежная компенсация родственникам погибших. Насколько нам известно, ваша семья уже заявила о своих обоснованных притязаниях на получение страховки. Вам что-нибудь об этом известно?

– Нет. И жена Мустафы тоже ничего про это не знает. Такими делами занимается только Сафар, мой старший сын. Я ничего не знаю и не хочу знать. Я старый человек, вырастил двух сыновей, теперь могу отдыхать.

– А можем мы поговорить с Сафаром? – не унимался Андрей. Он вспомнил, что Мустафа говорил про младшего брата, а отец называет того старшим. – Можем?

– Конечно, можете. Сколько душе угодно. Только его сейчас нет дома.

– Скажите, пожалуйста, как с ним связаться?

– Его вообще нет в Текирдаге, он поехал по делам в Стамбул.

– Мы хотим договориться о встрече на другой день.

– Так вы оставьте телефон. Сын вам позвонит.

Изабелла предложила:

– Давайте позвоним ему прямо сейчас. Зачем откладывать.

– Я не могу ему позвонить, – сообщил старик. Впервые в его тоне проскользнуло беспокойство.

– Почему?

– В доме нет телефона. У нас тут никогда не было телефона.

От такого откровенного вранья европейцы опешили.

– Неужели у вас нет даже мобильного? – только и сумела спросить Хартвуд, с трудом сдерживая иронию.

– Я вообще не пользуюсь мобильным телефоном. И никогда не пользовался. – Слова старика прозвучали очень напыщенно и гордо. – Мне сказали, что от него случаются опухоли в мозгу.

– У нас есть телефоны. Давайте мы, чтобы не рисковать

вашим здоровьем, позвоним сами.

– Я не знаю его номера.

Изабелла и Андрей понимающе переглянулись.

Обоим стало ясно, что продолжать этот абсурдный разговор не имеет смысла. Здесь они ничего не добьются, только напрасно потратят время. Видимо, все Кемали при случае любят приврать.

Первым поднялся со своего места Андрей:

– Простите, что побеспокоили вас, господин Кемаль. Мы сочувствуем вашему горю. Примите соболезнования.

– На все воля Аллаха, – кивнул старик, выслушав перевод.

Хартвуд, Корешков и капитан полиции направились к выходу на улицу. Хозяин дома провожал их до самой калитки. Он отпер ее, а вслед за ними закрыл с громким лязгом.

Начинало смеркаться. На город опускалась душная летняя ночь. На смену дневному оживлению приходила вечерняя расслабленность. Казалось, она уже зримо витает в воздухе, без смущения отвоевывая для себя все большее пространство.

– Чем могу быть полезен, господа? – спросил Орхан.

Они попросили показать им ближайшую гостиницу.

Он опять усадил их машину, которая через две минуты остановилась возле трехэтажного каменного здания напротив мечети. По обе стороны входных дверей были вертикальные светящиеся надписи на турецком и английском языках «Аль Нахиль». Встретивший их в холле мужчина в светлых

брюках и рубашке с короткими рукавами оказался владельцем гостиницы и одновременно исполнял обязанности портье. Не переставая расточать приветливые улыбки новым постояльцам, он завел оживленную беседу с капитаном.

– Он говорит, что в европейском понимании этого слова одноместных номеров нет, – объяснил Орхан. – Есть большая комната, разделенная перегородкой на две части. Если это вас устроит...

– Прекрасный вариант, – кивнул Андрей, не спрашивая Изабеллу. Та посмотрела на него с деланным возмущением, однако ничего не сказала.

Позади гостиницы имелась маленькая автомобильная стоянка, куда Орхан загнал прокатный «Мицубиси». Он же помог принести дорожную сумку Изабеллы, после чего распрощался, оставив свою визитку:

– Можете звонить мне в любое время дня и ночи.

Номер на втором этаже представлял собой большую комнату, разделенную на две части деревянной резной перегородкой, примерно на метр не достигавшей потолка. Скорее, она выполняла роль ширмы. По обе стороны ее висели кашпо с искусственными цветами. В одной части стояла широкая кровать, в другой – диван и тумба с телевизором. Окна были наглухо закрыты резными ставнями. Верхнего света не было, горели бра и настольная лампа. Слышался неизменный шелест кондиционера.

– Ладно, потом разберемся, – оглядевшись, сказал Кореш-

ков. – Считаю, сначала нам необходимо поесть. Шутки шутками, а ведь мы сегодня не обедали.

– В отеле есть ресторан?

– В принципе, есть. Маленький и весьма скромный на вид. Зато рядом, на берегу, я заметил более романтическое заведение. Зачем же в такую погоду нам сидеть в помещении?

Хартвуд безропотно согласилась, и вскоре партнеры ужинали в приморской рыбацкой таверне. Простой дощатый стол стоял под открытым небом, почти на причале, у которого покачивались на волнах лодки и рыбацьи суденышки. На веранде таверны группка мужчин азартно смотрела по телевизору футбол – транслировался матч итальянского чемпионата.

Андрей сказал:

– Здесь настолько курортная обстановка, что очень досадно работать. Обидно до слез.

Сыщики заказали свежие овощи, салат из брынзы с маслинами, жареную рыбу, название которой установить не удалось, и вино. Официант принес примерно литровый кувшин розового вина и два стакана толстого стекла. Как это часто бывает на юге, внезапно сумерки сменились темнотой. На столе в широком стеклянном светильнике горела свеча.

Слегка утолив аппетит и жажду, они заговорили об итогах дня.

– Не похоже, что в этом доме стряслось большое горе, – сказала Изабелла. – Старик выглядел в высшей степени спо-

койно.

– Так-то оно так, только это еще ничего не значит. На Востоке не принято открыто выражать чувства, особенно печальные, да к тому же при незнакомцах.

– Вдобавок при неверных. Чувства скрывал, однако на словах он о своем горе говорил много.

– Меня это, кстати, весьма удивило, – сказал Андрей, наливая вино в оба стакана.

– Дом довольно зажиточный по местным меркам.

– Да, хорошая избушка, – согласился Корешков. – Семья явно не бедствует. Непонятно, зачем Кемалю нужно было наниматься в Россию строительным рабочим. К тому же здесь имеется деловой старший брат.

– У меня тоже возник этот вопрос. Но, может, в России так хорошо оплачивается труд строителей, что это все сделано на присланные им из Москвы деньги?

– Вряд ли. Шестьсот – семьсот долларов в месяц. К тому же коллеги Кемалю сказали, что работник из него никудышный. Значит, получается и того меньше. – Андрей отхлебнул вина. – Старичок, разумеется, все знает. Только нам не вытянуть из него ни слова. Тем более что мы иностранцы и беседуем в неофициальной обстановке. При самом хорошем переводчике всегда можно лгать напропалую, а потом сказать, будто чего-то не понял.

– И про то, что у них в доме нет телефона, старик, наверняка, врет.

– Как сивый мерин. Чтобы в наши дни тут у кого-то не было телефона. Я успел заметить, что сопливые детишки тут ходят, а на шее, на шнурочке, висит мобильник. Старики в сквере возле кладбища сидели, и каждый в руках держал мобильник. Цивилизованная страна, о чем тут говорить.

Теперь Изабелла отхлебнула вина. После паузы она сказала:

– Я почти уверена, Андрей, что мы имеем дело или с хитрым мошенничеством, или с актом терроризма. Если то либо иное преступление каким-то образом связано с семьей Кемаля, то у его отца должны быть очень серьезные основания, чтобы пожертвовать жизнью одного из сыновей.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь о связи преступления с семьей?

– Я имею в виду, что оно организовывалось при их участии. Не знаю уж, активном или пассивном, только без них тут, похоже, не обошлось.

Некоторое время Корешков помолчал, задумчиво глядя в сторону моря, заметного лишь возле берега, куда достигал свет фонарей с набережной, а дальше скрывавшегося в ночном мраке. После паузы он сказал:

– Мне кажется, перво-наперво нам нужно разыскать Сафара, старшего сына Кемаля. Его следы должны быть в стамбульском отделении «Интернейшенал Иншуренс», там застрахован тот «Боинг». Если семья хочет получить страховку, значит, Сафар должен был обязательно обратиться туда.

Сам или через адвокатов – это значения не имеет. В любом случае его координаты там имеются, значит, можно установить с ним контакт.

– Только не нужно идеализировать обстановку. Это все мы сможем сделать только при условии, если получением страховки действительно занимается именно он. Однако я не удивлюсь, если старый Кемаль придурится и пустил нас по ложному следу. С него станется.

– Все равно нам пока в Текирдаге делать нечего.

– Это точно, – засмеялась Изабелла, – хотя здесь так хорошо, что дальше некуда. Чудесный воздух, прекрасное море, наверняка, пляж на загляденье. А делать – ровным счетом нечего. Вот ведь какая беда. Может, прямо сейчас отправимся в Стамбул, где дел выше головы?

– Переночуем в гостинице, – сказал Андрей. – Поедем рано утром, до солнцепека.

– Меня это вполне устраивает. Только давай еще немножечко посидим. Здесь так уютно и тихо. И не будем говорить о делах.

Они не торопясь закончили ужин, после чего вернулись в свой отель. Когда они проходили через холл, сидевшие за стеклянной стеной, на эстраде рестораника, музыканты заиграли «Турецкий марш» Моцарта. Они знали, что европейцам нравится эта музыка.

Глава 5

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Остановившись на пороге номера и окинув командирским взглядом помещение, Корешков произнес тоном, не терпящим возражений:

– Кровать твоя, я буду спать на диване.

– Ой, ну зачем же такая жертва! – притворно ужаснулась Изабелла. – По-моему, тут больше чем достаточно места для троих.

Андрей не понял и спросил:

– Кто будет третий?

– Обоюдоострый меч, который ты положишь между нами, – с невозмутимым видом ответила Хартвуд. – А в принципе, можно вполне обойтись и без этого холодного оружия. Я не собираюсь приставать к тебе. И приношу свои извинения за вчерашнее.

– Этими проникновенными словами мисс Хартвуд поистине растопила мое черствое сердце, – улыбнулся Андрей и уже серьезным тоном добавил: – Только, пожалуйста, не принимай ничего предосудительного на свой счет. Ты, мало сказать, красивая. Ты – очень красивая, ты – суперженщина...

– Ладно, не напрягайся, – прервала его излишества Изабелла.

ла, – я все поняла. Это я с виду только глупая, а на самом деле очень умная. Вдобавок у меня нет ни малейших признаков склероза. Я прекрасно помню про пепел Клааса, который стучит в твое сердце. Даже если ты дал обет воздержания до тех пор, пока не свершится возмездие, я не собираюсь над тобой смеяться.

– Но ведь в твоих глазах я выгляжу смешным, – пытался было возразить Корешков, однако в ответ Изабелла махнула рукой:

– Не комплексуй, дорогой российский друг. Я вовсе не считаю, что ты идеалист или идиот.

– Если говорить начистоту, дело не только в возмездии. Так уж получилось, что сердце мое сейчас занято. Причем моя любимая женщина наша – с тобой коллега, сотрудница латышской полиции. Мы, кстати, и познакомились, тоже ведя совместное расследование одного дела. Но самое интересное заключается в том, что она сейчас находится здесь, можно сказать, на расстоянии вытянутой руки – в Турции, на курорте в Анталии, где с нетерпением ожидает моего приезда. Мы договаривались вместе провести отпуск.

– Так езжай к ней, имеешь полное право. Отдыхай, наслаждайся жизнью.

– Нет. Я даже не сказал, что уже прилетел в Турцию. Хочу сначала довести расследование до конца, а потом отдыхать.

– Вот это здорово! – воскликнула Изабелла. – Прямо как в кино. Женщина на курорте разговаривает по телефону с

любимым и не знает, что тот находится совсем рядом, в часе езды.

– Можешь написать сценарий, – сказал Андрей.

– Спасибо, я не люблю мыльные оперы.

Во время разговора, а беседовали, стоя каждый на «своей» половине, они машинально распаковывали большие сумки, раскладывали мятые вещи. Аккуратистка Изабелла воспользовалась висящими в шкафу плечиками, Андрей предпочел повесить рубашку на спинку стула – отвисится.

Завершилась их подготовка ко сну одинаково: каждый, не сговариваясь, – их разделяла перегородка – вытащил из сумки пистолет и положил его под подушку.

– Изабелла, я собираюсь спать не раздеваясь, – предупредил Корешков.

– Как понимать эдакую странность? Считать это высшим проявлением целомудрия? Или таков старинный русский обычай?

– Ни то, ни другое. Просто мне кажется, что сегодня ночью у кого-либо из местных жителей возникнет желание нанести нам визит.

– Андрей, ты меня пугаешь. С кем ты уже успел поговорить? Когда? Вроде бы все время был на виду, и в то же время провел секретные переговоры.

– Готов поклясться, что я ни с кем не разговаривал.

– Тогда откуда появились такие агентурные сведения?

– Интуиция подсказывает. Как, по-твоему, должен я при-

слушаться к внутреннему голосу?

Изабелла села на кровать и задумалась. Потом сказала:

– Трудно сказать. Вот я считаю, что у меня неважная интуиция. Поэтому пытаюсь все постигнуть логикой, рассудком. Кто и зачем может нагрянуть к нам среди ночи? Чтобы избить, пристрелить?

– Если бы знать.

– Ну, если не раздеваешься, значит, считаешь, кто-то вломится сюда среди ночи и не позволит спокойно одеться. А ворваться может лишь незванный гость.

– Возможен и другой вариант. Человек постучал, а пока я одеваюсь, передумал и ушел.

– Ну, это уж совсем что-то фантастическое. Появление преступника – более реальная перспектива. За сыщиками всегда тянется шлейф враждебности. Тут никакого секрета нет. Меня в данной ситуации волнует только одно – где гарантия того, что ночной злодей ворвется не на мою половину.

– Хорошо, – сказал Корешков. Он вытащил из-под подушки свой пистолет и перешел на половину Хартвуд. – Намек понял. Буду постоянно находится рядом с тобой.

– Спасибо, – улыбнулась она. – А теперь в любом случае пора ложиться спать. С присущей всем сыщикам наблюдательностью я заметила, что напротив окон нашего номера находится мечеть и минарет, с которого рано утром раздадутся усиленные микрофоном звуки молитвы, и, естественно, мы

будем разбужены.

– Согласен. Только, боюсь, проснемся мы все-таки раньше. С вашего позволения, мисс, я оставлю ночник включенным.

– Да, пусть горит. Вреда от этого не будет.

– Надеюсь, это принесет только пользу.

Коллеги, не раздеваясь, улеглись поверх покрывала.

Благодаря несусветной ширине кровати они лежали далеко друг от друга и сразу заснули.

Город охватила полная тишина, лишь изредка доносился стрекот цикад, да тихо шелестел неугомонный кондиционер – один из верных признаков южной цивилизации. Поэтому раздавшийся среди ночи тихий, похожий на царапанье стук в дверь был хорошо слышен в номере.

Андрей моментально проснулся, и его рука машинально нырнула под подушку за пистолетом. Подняв голову, он взглянул через плечо в сторону Изабеллы. Она уже сидела на кровати с пистолетом в руках.

Корешков жестом предупредил ее о молчании, а сам бо-сиком бесшумно вплотную приблизился на цыпочках к двери и остановился сбоку, держа пистолет наготове. В свете ночника он увидел, что Изабелла заняла хрестоматийно правильную позицию напротив двери, взяв ее под прицел.

Вскоре стук повторился, на этот раз более настойчиво.

– Кто вы? Что вам здесь требуется? – спросил по-английски Корешков.

Мужской голос из-за двери на ломаном английском ответил:

– Меня зовут Джамель Нермук. Впустите меня. Я пришел рассказать вам про Мустафу Кемалья.

– Секундочку. Я только оденусь.

Андрей посмотрел на Хартвуд. Та молча показала ему ладонь левой руки, сначала оттопырив один палец, потом второй, третий – вдруг за дверью скрывается не один человек, а несколько. Потом сделала неопределенное движение плечами, мол, решай сам.

– Хорошо, – громко сказал Корешков невидимому визитеру. – Сейчас я открою. Только во избежание эксцессов держите руки над головой.

Еще не договорив, он рывком распахнул дверь, при этом сам оставшись за ней, чтобы не попасться на глаза визитеру.

Из глубины номера Изабелла видела ярко освещенный дверной проем. На пороге стоял человек с поднятыми руками. За его спиной хорошо просматривалась короткая галерея, на которую выходили двери номеров. Она заканчивалась лестницей с металлическими перилами.

По-прежнему держа руки над головой, ночной гость сделал неуверенный шаг вперед, затем еще один. В этот момент Андрей подтолкнул его ближе к середине комнаты, потом быстро закрыл дверь, после чего включил верхний свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.